

Д

АННА
ДАНИЛОВА

МЕЛОДИЯ УБИЙСТВА

Психологический детектив

Эффект мотылька. Детективы Анны
Даниловой. Новые расследования

Анна Данилова
Мелодия убийства

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Данилова А. В.

Мелодия убийства / А. В. Данилова — «Эксмо»,
2023 — (Эффект мотылька. Детективы Анны Даниловой. Новые
расследования)

ISBN 978-5-04-185630-4

Бизнесмена Максима Шахлевича всеми способами пытаются подставить, обвинить в жестоком убийстве жены, риелторши и нападении на любовницу, чего он, конечно же, не делал. Но однажды в ресторане он видит жену в компании своего инвестора! Или это просто очень похожая на нее женщина? Кто-то хочет свести Максима с ума, и помочь ему может только адвокат Борис Бронников, который решает докопаться до правды.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-185630-4

© Данилова А. В., 2023
© Эксмо, 2023

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	17
Глава 5	20
Глава 6	25
Глава 7	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Анна Данилова

Мелодия убийства

© Текст, А. Дубчак, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Глава 1

15 сентября 2022 г.

Городская клиническая больница им. В.В.

Верочка, медсестра хирургического отделения, расположенного на третьем этаже больницы, сидела на своем посту и спокойно пила уже вторую чашку чаю, запивая им шоколадку. В отделении было как-то подозрительно тихо и спокойно. Словно пациенты, намаявшись после утренней перевязки и обхода и устав от физических страданий, приняли болеутоляющие таблетки и теперь наслаждались покоем. Все были на месте, за исключением одной молодой пациентки, к которой пришел посетитель и увел ее на лестницу, чтобы там, как решила Верочка, которая и провела его в отделение за щедрые чаевые, была возможность покурить. Поначалу со стороны двери, ведущей на лестницу, доносились приглушенные голоса, но потом и они стихли. Прошло уже полчаса, как ее не было.

Пациентку звали красиво и ярко – Варвара. Красивая стройная девица с копной рыжих вьющихся волос, с белой кожей и огромными черными глазами.

«Ей бы в кино сниматься», – подумала Верочка, впервые увидев ее, восхитившись и ужаснувшись одновременно.

Она не знала, как и при каких обстоятельствах Варвара Утешина попала к ним, привезли ли ее или она добралась до больницы сама, но одно было ясно – ей крепко досталось. Помимо синяков на ее лице и теле у нее была повреждена кожа головы – кто-то, скорее всего женщина, жестоко оттащил ее за волосы, буквально выдирает их с корнем! Но самое неприятное для женщины было то, что ей выбили передний зуб! Вот эта черная дыра так портила ее, что сводила на нет всю ее природную красоту и делала ее похожей на опустившуюся пьющую женщину!

Вот бы узнать, что же с ней случилось. Кто с ней такое сотворил? А что, если это сделал тот самый мужчина, который к ней пришел? Может, муж, а может, друг. Но мужчина интересный. Высокий брюнет в черном плаще. Голубые глаза, впалые с легким румянцем щеки, тонкие злые губы и идеальной формы нос.

«И его тоже взяли бы без экзаменов в театр или кино», – решила Верочка.

Однако что-то эта парочка долго отсутствовала. Обкурились они там, на лестнице, что ли? А что, если они там не только курят, но и... А что? И такое случалось ночью между пациентами, когда они подолгу, месяцами находились в отделении, влюблялись, соединялись, а то и женились.

Верочка допила чай и отправилась на поиски пациентки. Старалась идти тихо, чтобы не спугнуть парочку, если застывает их где-нибудь за углом. Но, выйдя на лестницу, поняла, что возле окна, места для курения, никого нет, хотя сигаретами пахло. И куда же они направились?

Она замерла и прислушалась – голоса раздавались совсем рядом. Ну точно, они спустились на этаж ниже. Разговаривают. Причем на повышенных тонах. Кричат шепотом.

Вот так. Интересно, о чем они говорят? Это она так эмоционально рассказывает о том, кто ее покалечил? А что, если это был он сам? А вдруг он и сейчас пустит в ход кулаки?

Верочка прибавила ходу, спустилась на несколько ступенек вниз и, прижавшись к стене, затихла.

– Ты не сделаешь этого, – говорил мужчина взволнованным шепотом.

Он уже осип, что давало Верочке возможность предположить, что все то время, что они были вместе, они разговаривали вот так же, шепотом. Но шепотом и «кричали», напрягая свои связки. До сипа, до хрипа.

– Сделаю! Я так и скажу, что мы вместе ее убили, понятно? И что это именно твои удары были самыми жестокими и сильными... И что ты сделал это, защищая меня, когда она выбивала мне зубы и таскала за волосы... Вот так. Так что сядем вместе, тебе ясно?

– Варя!

– Да что «Варя»? Чего ты вообще приперся? Пока не поздно, приведи в порядок квартиру, мой тебе пока еще дружеский совет, постарайся вымыть всю кровь! И если хочешь, чтобы я молчала, купи мне квартиру, вот так. Это моя цена за молчание.

– Да ты сбрендила! С какой стати?!

– Ты бы послушал себя, что ты мне только что наговорил здесь! Убил жену и решил все свалить на меня?! Меня! Как ты думаешь, когда меня привезли сюда, думаешь, не составляли протокол?

Верочка и сама не помнила, как оказалась на своем сестринском посту. У нее от страха зубы стучали. А вдруг они заметили ее на лестнице, и теперь она будет опасным для них свидетелем, который узнал много лишнего?!

Убийство! Кто-то из них или они оба убили жену этого мужчины. Получается, что Варвара – его любовница, а жены теперь нет. Ее убили. И в квартире (или где там все произошло) кровь, которую она, Варвара, предлагает ему смыть. Как же! Смывает кровь. Все равно следы останутся.

И как же все это происходило? Жена и любовница встретились, оттаскали друг друга за волосы, жена выбила зуб Варваре, мужчина это увидел и бросился разнимать женщин. Возможно, не рассчитал силы, отшвырнул жену, она ударилась головой (как это часто случается в сериалах или книгах) о край стола или подоконника и погибла.

Вот так жила себе, жила, какое-то время чувствовала себя счастливой, что рядом с ней такой красивый мужчина и что он принадлежит ей, ухаживала за собой, ходила в салоны красоты, где ей делали маски для лица, подтяжки разные, волосы укладывали... Наряжалась, покупала себе украшения, старалась выглядеть соответствующим образом рядом с красавцем-мужем, а он раз – и убил ее. И все. Теперь, если следствие докажет, что это муж убийца, то его посадят. А если он сумеет выкрутиться, придумает себе достоверное алиби, то бедная женщина останется не отомщенной. И ее душа еще долго не успокоится...

Варвара за свое молчание получит в подарок от любовничка квартиру и затихнет. Расстанется с ним, понятное дело. Зачем ей какие-то воспоминания, от которых мороз по коже... Она заведет себе другого любовника, как заводят породистую собаку. Этот же брюнет тоже скорее всего, если ему удастся избежать наказания, продаст квартиру, где проживал с женой, чтобы ему ничто не напоминало о прошлом, о пережитом им кошмаре. И он, переехав на другое место, начнет жить заново. И всем будет хорошо, кроме несчастной обманутой и убитой жены.

Верочка так хорошо себе все это представила, что заплакала. Она вообще в последнее время стала много плакать. Утром, когда первым делом просматривала военные сводки по телеграм-каналам, могла запросто разрыдаться, видя, что творится в зоне военных действий, как страдает мирное население от оружия варваров-нацистов. Когда слышала сочиненный репером-патриотом реп, от которого мурашки по коже и тоже хочется плакать.

Но сейчас эти слезы были ее естественной реакцией на смерть женщины, с которой она хоть и не была знакома, но которую жалела всем сердцем. Любовнички! Убили! Освободились от той, которая мешала. Расчистили себе дорогу к новой жизни.

Может, прямо сейчас позвонить в полицию и все рассказать? Фамилию пациентки она теперь уже никогда не забудет. Утешина. Варвара Утешина. Она и назовет полицейским имя своего любовника-убийцы. И все – дело в шляпе! Его поймут до того, как он успеет состряпать себе алиби.

У Верочки довольно неплохо было развито воображение, и она так хорошо представила себе момент задержания преступника, что даже слезы ее высохли. Однако... А что, если адвокаты его, убийцу, отмажут, и он, зная, кто на него донес, кто рассказал в полиции про подслушанный разговор на лестнице, решит отомстить теперь уже ей, Верочке Беспаловой?

Реакция на собственные размышления не заставила себя ждать, и глаза ее снова наполнились слезами. Свидетелей, как правило, стараются убрать. Убить. Ну уж нет, умирать она не собирается.

Верочка налила себе еще чаю, правда, уже остывшего, развернула хрустящую обертку шоколадки и достала последний кусочек, положила в рот.

Нет-нет, она не станет звонить в полицию. Не станет рисковать собственной жизнью. У нее еще так много всего впереди! Только бы небо над головой оставалось голубым...

И она снова заплакала.

Глава 2

15 сентября 2022 г. Дом Бронниковых

– Тонечка! Господи, как же я рада тебя видеть!

Женя, увидев в окно машину подруги, бросилась открывать дверь, и вот они уже обнимались на пороге, как если бы не виделись целую вечность.

– Ты уж извини, что без предупреждения, хотела сделать тебе сюрприз. Подумала, что если тебя не будет дома, то уж кто-то да откроет мне дверь. Оставляю подарки и уеду! И теперь ужасно рада, что ты дома.

– Сюрприз получился!

Женя, не так давно еще работавшая здесь, на окраине Подольска в загородном доме братьев Бронниковых (Бориса и Петра) прислужой, а теперь ставшая женой Бориса, известного московского адвоката, с трудом привыкала к новой для себя роли. Любовь Бориса Бронникова, до женитьбы выражавшаяся в откровенной грубости по отношению к понравившейся ему красивой домработнице, после свадьбы приобрела совершенно другие черты – новоиспеченный супруг обрушил на свою молодую жену столько нежности, ласки и заботы, завалив ее подарками, что вызвал в ней подозрение.

Женя, придумав себе, что Борис, которого она привыкла видеть жестким и грубоватым, таким вот образом как бы извиняется перед ней за свою измену, не вынесла тяжести собственных сомнений и решила сделать паузу в их отношениях, уехав за компанию с подругой Тоней в маленький провинциальный городок Калина, где растворилась в совершенно другой жизни, активно принимая участие в жизни племянницы Тони, а заодно расследуя череду убийств...

И только там, вдали от мужа, скучая по нему, она поняла, насколько глупо было его подозревать в измене и что все это произошло лишь потому, что она не привыкла к такому вниманию своего мужа и в каждом его жесте искала какой-то подвох. А ведь это была просто любовь...

И каким потрясением для нее стало исчезновение Бориса. Вернувшись из Калины домой, она нашла Петра, родного брата Бориса, совершенно опустившимся и потерянным – Борис пропал. Или погиб? Как же долго она находилась в неведении, как страдала и как жалела, что уехала в Калину вместо того, чтобы провести эти медовые дни после свадьбы с мужем. Петр, видя ее страдания, уговорил поехать вместе с ним во Францию, где у него был дом и где с Женей начали происходить поистине фантастические события...¹ И так много всего произошло! Но, к счастью, все закончилось благополучно: вернулся Борис, дом стараниями Жени и помощницы Галины Петровны зажил своей прежней уютной жизнью, закончилось строительство примыкавшего к нему зимнего сада, и только Петр все никак не мог успокоиться и каждый день извинялся перед беременной Женей за свой «парижский косяк».

– Кто дома? – живо поинтересовалась Антонина, давно уже ставшая в этом доме своей. – Надо поговорить.

– Борис в Москве, у него процесс. Галина Петровна приготовила обед, и я ее отпустила. И только Петр все никак не может успокоиться и, поклявшись мне и, главное, себе, что никогда больше не станет использовать живых людей как материал для написания романа, пишет теперь новое произведение – какие-то свои автобиографические записки. Буду, говорит, описывать свою жизнь, чтобы никого уже не ранить. Он дома, работает в кабинете. Сегодня мне снова прислали букет.

– Очередное его извинение? – засмеялась Тоня.

– Ну да! Кофе?

¹ Об этом читайте в романе А. Даниловой «Во всем виноваты кувшинки».

– Я не против.

– Так что у тебя случилось?

– Сначала подарки, – и Тоня, войдя на кухню, принялась доставать из пакетов банки, свертки.

– Я поняла, это подарки из Калины! От Леночки? Я же вижу – земляничное варенье!

– Яблоки и много чего еще...

– Как у нее дела? Все в порядке?

– Да. Она счастлива со своим учителем... Они оба передают тебе огромный привет!

– Так, а это что?

Женя развернула большой сверток. Книга рецептов!

– Это «Чадейка», помнишь, я тебе говорила? Там ты найдешь прекрасные рецепты выпечки!

– Спасибо... – покраснела Женя, чувствуя, что и на этот раз очередная кулинарная книга, подаренная подругой, так и не будет востребована. Ведь все свободное время она теперь тратила в зимнем саду. – Обязательно что-нибудь испеку.

– Начни с самого, на мой взгляд, простого – с венецианского пирога!

– Да, конечно, как скажешь! Так что у тебя случилось?

И Женя, ловко минуя тему пирогов и выпечки в принципе, принялась хлопотать вокруг кофемашины.

– Тоня, я тебя знаю. Если ты ко мне приехала, да еще и без звонка, значит, была на эмоциях и тебе нужно выговориться. Слушаю тебя, моя дорогая!

Женя, высокая худенькая молодая женщина с уже округлившимся животиком, была в домашних широких брюках и тонком свитере. Тоня же, полненькая, розовощекая, нарядилась в красивое зеленое платье с вышивкой, как если бы собралась не к подруге на огонек, а, к примеру, в Москву в кафе или на праздничное мероприятие.

– Куда собралась, признавайся! – Женя окинула взглядом платье и жестом показала, что она в восхищении.

– Вот куда скажешь, туда и поедem. Ну не могу больше сидеть дома. Виктор с детьми, ты знаешь, во Владивостоке! Он так давно планировал эту поездку, что, когда объявили мобилизацию, напрягся весь... Но ты же знаешь, его по состоянию здоровья не взяли бы. Короче, он сам, я не знала, пошел в военкомат, чтобы удостовериться, что его не мобилизуют, и только после этого, успокоившись, взял билеты во Владик. Он сто лет не видел своих родителей, да и внуки уже давно выросли, а с бабушкой и дедушкой еще не знакомы. Короче, Витя уехал, а я осталась совсем одна дома. Я уж чего только не делала. Сначала сделала генеральную уборку, а потом, когда прибралась, решила, что неплохо было бы мне сделать ремонт...

– Тоня! Да просто бы отдыхала в свое удовольствие, и все!

– Я вчера целый вечер просматривала на Ютубе, как самостоятельно оштукатурить стену, покрасить... А что? Я бы смогла.

– Не вздумай этого делать! Займись тем, что тебе нравится! Посмотри сериалы, отправься в Москву за покупками... У тебя как с деньгами?

– Да все в порядке. Я хоть и уволилась, вернее, это Виктор меня заставил, денег нам хватает. Он, к счастью, теперь хорошо зарабатывает. И вот как-то так получается, что отсутствие проблем, финансовых и прочих, меня поставило в какой-то ступор! Не знаю, как тебе объяснить... Вот словно ничего не хочется. Поела, поспала, посмотрела телевизор, сходила в магазин... Скучно, Женя!

– Могу пригласить тебя поработать в моем саду. Для начала, конечно, можно было бы привести в порядок большой сад... Но прошли дожди, земля мокрая... Поэтому можешь просто посидеть в зимнем саду и посмотреть, как я буду пересаживать растения, расставлять их...

Можем поехать в Москву, я хотела купить лейку с длинным носиком... Ты права, Тоня, – скучно. Чего-то не хватает, да?

– Адреналина.

– Точно. Но знаешь, что я могу тебе пока предложить? Давай вечером доедем до поселка и, когда стемнеет, перелезем через забор, там есть один дом, где никто не живет уже пару лет, а на участке летом цвели просто какие-то невероятные, бешеные, огромные розы... И выкопаем хотя бы одну?! Ты как? Согласна?

– Да я за любой кипиш, кроме голодовки! – засмеялась Тоня.

– Договорились! Сейчас выпьем кофе, потом поедem в «Леруа Мерлен» за лейкой и удобрениями для орхидей, пообедаем где-нибудь, а вечером – сама знаешь чем займемся.

– Платье... Понимаешь, праздника хотелось, вот и нарядилась.

– А мы подберем тебе что-нибудь подемократичнее, покомфортнее и поудобнее.

– Вообще-то я взяла на всякий случай с собой джинсы... – призналась Тоня. – Как знала, что позовешь к себе в зимний сад.

– Вот и отлично! Джинсы и свитер! У меня этих свитеров и худи знаешь сколько? Причем многие – просто огромные, тебе точно подойдут и даже будут велики! Это мне Боря начинает уже покупать одежду для беременных...

– Ты как вообще, все в порядке? – с нежностью в голосе спросила Антонина, которая относилась к беременности Жени с особым трепетом.

Ей постоянно казалось, что подруга чрезмерно много двигается, что резка в движениях, что совсем забывает, что внутри нее уже кто-то есть.

– У нас все в порядке! – И Женя залилась счастливым смехом.

Глава 3

12–15 сентября 2022 г.

Квартира Макса Шахлевича

Так странно, что ее нет. Дома тихо. Вот только бы еще разобраться, хорошо это или нет. То, что жена ему мешала жить, это правда. Они хоть и были в браке всего-то два года, но за это время вместо того, чтобы сблизиться, они стали совершенно чужими людьми.

Процесс разочарования напоминал Макс Шахлевичу реакцию его женщин-сотрудниц, подсевших на заказы интернет-магазинов, когда на фото сайта видишь красивую вещь, которую тебе хочется купить и за которую не жалко отдать деньги, а на деле получаешь мятую, отвратительного качества тряпку, которую и в руки-то взять неприятно.

Цинично, конечно, но что поделаешь, если ассоциации возникают сами собой?

Так случилось и с Ольгой. Поначалу он воспринимал ее как красивую и практически недоступную молодую женщину, которую страстно желал и ни о чем, кроме того, чтобы затащить ее в постель, и думать не мог. И даже спустя какое-то время, что они сблизились, он все еще, как ему казалось, любил ее. Да и она тоже испытывала к нему поначалу страсть, а потом пусть только нежность.

Что же случилось? Надоела? Приелась? Сейчас стыдно было об этом думать, но это и было настоящей правдой. Однако он, охладев к ней, старался до последнего (вернее, до встречи с Варварой) вести себя с женой хотя бы вежливо, не грубил ей, хоть и всячески отлынивал от выполнения супружеского долга. И вообще, что это за формулировка такая – супружеский долг. Что это еще за долг такой, при мысли о котором партнеров иногда просто тошнит! Кому кто должен, когда речь идет о таких тонких материях, как любовь? Ну, пусть даже и нет любви. Но влечение-то должно быть, иначе ничего не получится.

Долг. Какая глупость! Только вот Ольга так не считала. Она требовала от него любви, близости, и ей это нужно было (Макс отлично это понимал), исключительно чтобы поверить в свои женские силы. Ей было очень важно быть желанной. Быть той единственной, которая и приводит в действие механизм любви. Нет, уже не любви, но хотя бы желания. И она чувствовала, чувствовала, конечно, что он ее не хочет. И злилась. И если он старался держаться и по-прежнему хотя бы внешне относился к ней с уважением и даже жалел ее, то она в какой-то момент взбунтовалась, почувствовав, что он охладил к ней, сразу же решила, что у него появилась другая женщина. А ведь у него тогда никого еще не было. Он не успел еще заглянуть в бар и не встретил там Варвару. Яркую, сочную, пахнущую мартини и сигаретами женщину.

Ольга, высокая, худая, с большими карими глазами и шапкой блестящих медных волос женщина, которой он еще недавно восхищался, в тот вечер, что Макс провел в объятиях Варвары, вернувшись опустошенным и счастливым, показалась ему почему-то мужеподобной. И ее худоба вызвала в нем отвращение.

Он, нырнув под одеяло рядом с женой, надеясь, что под душем избавился от запаха другой женщины, вдруг вспомнил, как часто ему приходилось в моменты близости с Ольгой испытывать физические неудобства, связанные с ее твердым и словно бы деревянным телом. Острые колени и локти, жесткие ребра, выпирающие кости таза. Брррр... И как же он раньше этого не замечал?

Он так явственно себе все это представил, вспомнил, что даже отодвинулся подальше от жены, оставив ей большую часть одеяла. Да и зачем ему сейчас одеяло, когда его греет новая любовь? Когда у него есть теперь Варя. Стройная, но в то же время какая-то мягкая, уютная, с упругими бедрами и пышной грудью. Восхитительная женщина. Легкомысленная, не очень умная, веселая, легкая, пьянящая. Девушка из бара – что может быть волнительнее, опаснее и желаннее?

Хотелось ли ему думать о том, как часто Варя бывала в этом баре и уходила оттуда с другими мужчинами? И да, и нет. С одной стороны, это было неприятно, ведь он не такой как все, он другой, и Варвара не могла это не оценить. Она выбрала его. С другой – его возбуждала мысль, что ее желало много мужчин. Это правда, какой бы странной и нелепой она ни казалась. Да и вообще, это же была просто женщина, с которой ему хотелось быть, но не жениться! Женщина для наслаждения, для счастья. Лучше уж он проведет несколько часов с ней, чем после работы вернется домой и будет есть приготовленный женой ужин под ее недовольным и полным презрения взглядом. Сомнительное удовольствие для женатого мужчины.

Это раньше у них с Ольгой было все по-другому. И ему доставляло удовольствие просто находиться рядом с женой. Черт, как же так случается, что люди перестают любить друг друга? Что между ними такого происходит? Откуда эти чудовищные метаморфозы, этот холод, это желание как можно дольше не видеть человека, не говоря уже о том, чтобы прикасаться к нему?

А ведь эти касания, эти поцелуи и проникновения служат уже не наслаждению и уж тем более не любви, а поддерживают в партнере куда более глубокие и серьезные силы, поднимают самооценку и не позволяют сломить дух. А вот измены травмируют, а иногда и убивают.

Ольга, заподозрив пока еще ни в чем не повинного Макса в измене, сама запустила этот опасный маховик. Устраивала ему сцены ревности, кричала на него, швыряла посуду в сердцах, не в силах вынести его холодность и многочасовое молчание, придумывала ему разных женщин, склоняясь все же к особам порочным и продажным, стыдила его за встречи с ними, обзывала всячески, и находиться дома, когда она была такая отвратительная и опасная, было просто невыносимо. И он едва сдерживался, чтобы не ударить ее, потому что в такие минуты уже не видел в ней женщину, она казалась ему просто злобным существом, способным наброситься на него и перегрызть горло.

Иногда он пытался представить себе, как могла бы выглядеть и вести себя Варвара, окажись она на месте Ольги. И каждый раз усмехался собственным фантазиям: конечно, она быстренько нашла бы ему замену! Если не в том же баре, где он ее встретил (и подцепил), так в другом. Уж бить чашки и кричать, брызгая слюной, она бы точно не стала. Напротив, выпотрошив все хозяйственные деньги, а то и попросив кругленькую сумму у изменщика-мужа, но не подавая вида, что в курсе его измены, пошла бы и купила себе новое платье или сумочку, а то и дорогое белье, чтобы как можно скорее продемонстрировать его новому любовнику.

Вот такой женой была бы Варя. Вряд ли она готовила бы ему обеды и ужины, наверняка старалась бы отлынивать от домашних работ и жила бы себе в удовольствие. А он, Макс, сходил бы с ума от ревности, искал бы ее по барам, отслеживал ее телефон и тогда бы уже сам устраивал ей унижительные сцены ревности и, возможно, возненавидел бы ее еще больше, чем Ольгу. Нет-нет, жениться на ней он не собирается!

Макс, вернувшись из больницы, где встречался с Варварой, домой, никак не мог понять, почему он бездействует вот уже третий день? Почему не приводит в порядок квартиру? Ведь она права – крови на полу много, эти брызги, следы волочения, и даже на подоконнике...

Глядя на весь этот кровавый натюрморт, он каменел, ему казалось, что его парализовало. По неизвестным причинам он не мог заставить себя взять ведро, плеснуть туда хлорки, чтобы вымыть полы. Организм словно противился этому, не хотел, чтобы он прикасался к крови.

Кровь. Почему она такая красная и жирная? Чтобы ее было видно, чтобы в случае, если человеку пустили кровь, ранили или убили, об этом стало известно, чтобы этот ярко-красный цвет кричал, взывал либо о помощи, либо к отмщению. Вот почему бы не сотворить ее прозрачной, чтобы ее никто не увидел. Так нет же, нате вам – красная, густая, бросающаяся в глаза, пугающая, страшная! И даже когда подсохнет, все равно – загустевшая и не менее зловещая. Как роспись самой смерти...

Кто-то доложил Ольге о Варе. Кто-то из общих знакомых увидел их вместе. Ольга не рыдала, нет, она так разозлилась, что Макс испугался, как бы с ней, с еще молодой двадцати-

пятилетней, не случился удар. Она сначала побледнела, потом пошла красными пятнами, а потом и вовсе лицо ее налилось кровью, а на высоком лбу выступила испарина.

Она вмиг постарела и подурнела. Просто сказала, что все знает, на что Макс промолчал. Он устал уже что-либо отрицать. Ведь даже если бы не было Вари, Ольга придумала бы ее, так ведь уже было.

– Как же я тебя ненавижу! Не-на-ви-жу! – Она бросилась к нему с кулаками.

Так дерутся дети. Бьют куда ни попадая, в ярости размахивая руками. Словно целью является не нанести урон противнику, а выпустить пар. Разрядиться.

Она больно ударила Макса в бровь. Из глаз полились слезы. Затем заехала ему в нос. Вот как тут не отбиваться? Ну, он и ударил ее тоже в ответ. Несильно, но она как-то неловко упала на бок, на диван, застонала... Зашипела что-то типа «я убью тебя, мерзавец!». Не менее эмоционально и со страстью в голосе заливалась в порыве злости на Ольгу (соперницу, счастливую обладательницу Макса, благополучную и какую-то несокрушимую) Варя. В свое время. Когда не хотела, к примеру, чтобы Макс уходил от нее вечером, когда просила его остаться с ней. Когда хотела, как хотят этого все любовники, чтобы не разлучались ночью. Ведь ночь – всегда для них волшебная. Ровно до того момента, пока вместо любимой женщины оказываешься в постели рядом с оборотнем, мегерой. До того, когда ее еще недавно мягкие и теплые губы превратились в резиновые, холодные и невкусные, а костлявое бедро раскинувшейся по всей кровати нелюбимой супруги, вонзившись в твою ляжку, вызвало прилив тошноты...

– Почему ты не разведешься с ней? Почему не признаешься ей, что любишь меня? – вопрошала, хлопая длинными ресницами, Варя.

Она тоже злилась в такие минуты и была прекрасна, так соблазнительна в своем стремлении обладать им официально, как если бы ей не терпелось поскорее приобрести понравившуюся вещь.

И ответа так и не получила. Ни разу. И все потому, что Макс все тянул с разговором с женой. В доме и так скандалы следовали один за другим и спрятаться от этого шума, криков с выяснением отношений и оскорблениями было попросту уже некуда, а хотелось поесть и поскорее лечь, отдохнуть. Так что же будет, если он затеет с Ольгой разговор о разводе? Ему страшно было даже представить такое. Может, она разыграет, что ей плохо, и потребует вызвать «Скорую помощь», может, напротив, будет его умолять не бросать ее.

Получается, что он недостаточно хорошо знает ее (знал!), раз не может предположить ее реакцию. Но так не хотелось этого разбирательства, этой разорвавшейся в их доме бомбы, которая многое сметет на своем пути. Или...

Или же он не торопился расставаться с Ольгой, боясь, что после развода уже Варвара станет настаивать на браке? Вот хорошо, конечно, с женщинами, но в то же время так сложно!

И вот теперь жены нет. Варвара, вероятно, не совладав со своими чувствами (не зря же она в последнее время, перебрав вина, угрожала расправиться с Ольгой и кричала в запальчивости: «Я убью эту тварь, которая не отпускает тебя! Пиявка!»), притащилась к ним домой, пока его не было, да и начала выяснять отношения.

Да, кстати, она почему-то твердила, что «придет время, и я оттаскаю ее за волосы». И ведь оттаскала. Сейчас трудно понять, с чего именно, с какой фразы, оскорбления или угрозы началась потасовка, но то, что женщины подрались, жестко подрались, он не сомневался. Он сам лично поднял с пола клоч выдранных рыжих волос Варвары, да и вообще вырванных волос было вокруг полно...

Ольге перед смертью тоже досталось, он видел и ее красноватые, медного оттенка, гораздо короче Варвариных, волосы тоже. Но самой мерзкой находкой оказался зуб. Тот самый зуб, вместо которого (он сам лично сегодня видел, разговаривая с находящейся в шоке Варварой) теперь зияла черная дыра. Жуткая дыра, так уродующая еще недавно такую красивую и цветущую женщину. Да, крепко и ей досталось от Ольги (кто бы мог подумать!), и кто знает,

может, женщины подрались бы, да потом и помирились и даже выпили вместе, если бы Ольга не выбила зуб сопернице.

Вот этого Варя не смогла ей простить, просто обезумела, бросилась на нее, повалила на пол, и вот как раз в это время что-то пошло не так, и Ольга ударилась головой об острый выступ стеклянного кофейного столика. А ведь он предупреждал Ольгу, когда она выбрала из всех стеклянных стильных столиков именно этот, прямоугольный, с металлическим обрамлением и острыми углами столешницы, что он может быть опасен, не лучше ли купить овальный или круглый. Но она всегда поступала так, как хотела. Купила, и все. Умерла, и все.

Что случилось после того, как Варвара поняла, что убила Ольгу? Если была пьяна, то, скорее всего, мгновенно протрезвела. Смотрела на мертвую соперницу и о чем, интересно, думала? Радовалась или испугалась настолько, что и дальше продолжала действовать как во сне? Неадекватно. Куда дела труп? Вот главный вопрос.

Следы волочения трупа говорили о том, что Варвара подтащила тело с разбитой и кровотокающей головой к окну, распахнула его, взгромодила на подоконник (там не так много крови, но кровь размазана так, что картина ясная, тело точно было там), а потом, получается, сбросила его вниз. И когда все это произошло? Может быть, днем, когда Макс был занят с риелтором, или вечером, когда задержался на работе? У него сейчас проверка, а он – финансовый директор крупной строительной компании.

В последнее время он даже рад был, что завален работой и может подольше задержаться и отдохнуть от своих женщин. И вот он возвращается и что видит? Огромная, еще вчера чистая и ухоженная квартира разгромлена, кто-то все отчаянно крушил, разбивал, ломал... Повсюду осколки стекла, какие-то предметы, диванные подушки, рассыпанный по ковру зеленый виноград, красные яблоки, мокрые пятна от пролитой воды из вазы, что тоже разбита, а розы, дивные красные розы с длинными стройными стеблями, словно еще недавно бывшие живыми существами, выброшены чьей-то беспощадной рукой на паркет и умирают... И бог бы с этим разгромом и беспорядком, разбитым столиком и вазами, статуэтками и зеркалом. Кровь! Повсюду кровь, а на паркете – эти самые следы волочения.

«Интересно, и долго я еще буду разглядывать все это?» – спрашивал себя Макс, пытаясь понять, что же мешает ему пойти в кладовку за ведром и шваброй.

Истерично хихикнул, представив себе, что звонит домработнице, которая приходит три раза в неделю убираться (понедельник, среда, пятница), и просит приехать немедленно, чтобы уничтожить следы преступления.

Кстати, завтра как раз ее день, пятница, и она придет, а это означает, что до этого момента он сам, Макс, должен здесь все убрать (но это в том случае, если ее дочка поправилась). Не будь Варвара так агрессивно настроена против него, ему достаточно было бы просто попросить ее прийти и помочь с уборкой. Но она...

Да что с ней, на самом деле? Столько глупостей наговорила! Убила Ольгу и, совершенно не чувствуя за собой вины, все отрицает и угрожает в случае, если он заявит на нее, потащить за собой, сказать, будто бы они убивали вместе.

Сама фраза «убила Ольгу» почему-то не оказывала на него своего смертоносного влияния и почему-то воспринималась им как-то подозрительно легко. Уж не потому ли, что он где-то очень глубоко в душе радовался смерти жены, или же все гораздо проще – он сам не чувствовал за собой вины, потому что не убивал. А потому смотрел вперед спокойно, не рисуя себе жутких картин тюремного заточения. Разве что промелькнул где-то внутри сознания услужливо показанный будущим кладбищенский пейзаж да отражение солнечного луча на полированной крышке гроба с его мертвой женой... И это все. Пока все.

Так что же делать? С чего начать? Жаль, Ольги нет, она бы здесь быстренько навела порядок.

Ольга... Он предполагал, что, стоит ему много раз произнести одно и то же слово (первый раз на этом он попался как-то в детстве, когда, произнеся раз двадцать слово «маргарин», забыл, что оно означает), как постепенно оно превратится лишь в окающий звук, и все. И Ольга исчезнет даже из его сознания.

Он вздрогнул так, что чуть не упал со стула – раздался невероятно громкий, просто будоражащий звонок телефона. Как гром, как сирена! И номер незнакомый. Вероятно, полиция.

Он улыбнулся одними губами, но все еще не испугался. Пусть Варвара наговаривает на него, пусть следователь запишет все ее показания, кто ей поверит? Девке из бара? Он, Макс, – уважаемый человек, все его любят, у него нет врагов. Правда все равно будет на его стороне.

Вот кто это сейчас звонит, полиция? Следователь? А может, прокурор? А может, Варвара тут ни при чем, просто нашли тело, которое она вывезла за город? Вот только как вывезла? У нее что, машина есть? Нет.

Он взял телефон. Голос показался ему знакомым или же это был обман слуха: мужчина, представившийся Григорием Семеновичем (так звали его соседа по даче, и он, услышав голос, сразу же представил его), с волнением сообщил, что из окна его дачи валит дым! Предположил, что туда забрались бомжи, курили, и что внутри что-то загорелось... Что он уже вызвал пожарных, но ему, Макс, как хозяину, надо бы бросить все свои дела и немедленно приехать, чтобы хотя бы что-нибудь спасти. Действительно. Спасти. Да это не дача, а огромный загородный дом, набитый ценными вещами, произведениями искусства, антиквариатом. Пожар. Этого еще только не хватало!

– Я сейчас приеду, – сказал он, приходя в ужас от одной только мысли, что домой вернется еще не скоро и что приводить в порядок квартиру ему придется уже глубокой ночью. Чтобы успеть до прихода домработницы. – Все, я уже еду. Спасибо вам, Григорий Семенович.

Глава 4

15 сентября 2022 г.

Борис Бронников освободился рано, вышел из здания суда в приподнятом настроении – дело о взятке они выиграли, его клиента отпустили прямо в зале суда. Вот что значит правильно выбранная тактика защиты. Между тем дело было сложное, муторное, и два адвоката, к которым его клиент обращался до этого, сразу же отказались защищать, не видя перспективы. Но взятки-то не было, вот только в это никто не поверил. А Борис поверил. Поверил, что деньги в ящике стола в кабинете его подзащитного были приготовлены для покупки маленькой квартирki для его матери, приехавшей из Сибири поближе к сыну. Знали о деньгах и те, кто собирался его подставить.

И хотя было холодно, не больше пяти градусов тепла – и это несмотря на сентябрь! – и накрапывал дождь, где-то высоко над головой все-таки посветлело – солнце потихоньку прорывалось сквозь тучи, и это обнадеживало.

Он собирался позвонить Жене и спросить ее, как она себя чувствует и что из сладостей купить на десерт, когда ему позвонил брат.

– Я отправил тебе пятнадцать снимков, посмотри, – проговорил Петр быстро и тотчас отключился.

Борис просмотрел присланные ему фотографии. Ну конечно! Петр снова прислал ему фоторепортаж из магазина товаров для новорожденных. Снова скупил полмагазина. На фото розовые и голубые вещи, поскольку родители решили предварительно не знать пол ребенка.

Бедный Петр! Никак не может успокоиться, мучается чувством вины перед Женей, которую не так давно подверг настоящему испытанию, умыкнув в Париж и затуманив ей голову какими-то «другими» измерениями, кувшинками, старушками и девушками, не зная, что стресс для нее может быть губителен. Но разве он виноват, что не знал о ее беременности (как, кстати, и сам Борис!)? Он же хотел как лучше. Хотел как раз оградить ее от куда более сильного стресса... Но теперь дело прошлое. И когда он теперь успокоится? Завалил Женю подарками, окружил вниманием и в то же самое время старался лишний раз не попадаться ей на глаза, и это притом что они жили все под одной крышей. Несчастный, одинокий Петр!

– Петя, – Борис набрал его, – ты когда уже успокоишься? Жене еще далеко до родов. Мы все успеем купить. Пожалуйста, хватит уже изводить себя чувством вины. Живи полной жизнью, найди себе женщину, и пусть она рождает тебе наследников.

Он знал, что этой фразой ранил брата, поскольку тот вот уже пару лет не может найти свою любимую женщину Наташу, с которой так нелепо расстался и о которой не может забыть, но решил, что лучше уж поступить так, чем продолжать поддерживать его и жалеть. Все-таки он взрослый мужчина, и ему не следует жить интересами семьи брата, а надо бы обзавестись уже своей семьей.

– Да, ты прав, – кротко ответил Петр и отключился.

Борис вздохнул: ну вот, обиделся.

Он позвонил Жене и узнал, что они с подругой Антониной в Москве, зашли пообедать в грузинский ресторан «Диди», расположенный в получасе езды от того места, где находился сам Борис.

Спросив, не возражают ли они, если он присоединится к ним, и услышав, что Женя будет только рада этому, он сел в машину и покатил на Тверской бульвар. Он понимал, конечно, что подругам, возможно, лучше и комфортнее было бы оставаться одним, но щебечущий голос Жени в телефоне так заливался в каком-то радостном возбуждении от самого факта его звонка, что он отогнал от себя эту мысль.

– Я заказала тебе чкмерули, ну ты знаешь, цыпленка, хачапури... – Женя, румяная, веселая, усадив Бориса за столик и не сводя с него блестящих глаз, теперь нежно поглаживала его руку. – У меня была мысль позвонить тебе и сказать, где мы с Тоней, но у тебя суд, я просто не решилась.

– Суд мы выиграли, – скромно заметил Борис.

– Выиграл! Уф... Знаю, какое это было сложное дело! Все знаю и помню, как ты к нему готовился... Отлично! Я так рада! Ну и горжусь, конечно, тобой! Надеюсь, сейчас мы вместе поедем домой или у тебя еще дела в Москве?

– Домой. На сегодня достаточно.

– А ты не будешь возражать, если мы по дороге заедем в «Сад крупномеров», чтобы выбрать саженцы карликовых вишен...

– Колоновидных, – тихо поправила ее Тоня.

– Да, колоновидных. Они невысокие и будут все усыпаны ягодами!

– Да, конечно, заедем! В сад крупномеров за маленькими вишнями! – У Бориса явно было хорошее настроение.

– Борис... Какая же у тебя интересная работа! А вот нам с Тонечкой стало что-то скучновато. Витя, ее муж, с детьми уехал во Владивосток, представляешь, а она осталась совсем одна.

– Так пусть поживет у нас, – предложил Борис, заправляя за ворот белую льняную салфетку. – Не все же тебе с Петром дома скучать.

– Да я его и не вижу... Ты же знаешь, он словно боится меня...

– Не то слово! – хохотнул Борис. – Конечно, боится!

– Но идея с Тоней отличная! Тонечка, ты как, не против? Поживешь у нас? Займемся садом, будем смотреть кино, научишь меня готовить кексы да пироги...

– Надо подумать, – шутливым тоном, играя в серьезность, сказала Тоня.

Так, воркуя и находясь в прекрасном настроении, все трое пообедали и отправились в Подольск – Тоня поехала на своей машине, Женя присоединилась к Борису.

В садовом центре долго бродили вдоль саженцев колоновидных вишен, яблонь, забрели на участок с хвойными, купили все, что было запланировано, и сверх того – черную смородину, облепиху, барбарис и много чего другого, оформили доставку и налегке (если не считать горшка с саженцем английской розы «Charming Piano», который Женя бережно прижимала к груди, как маленького ребенка) поехали уже наконец домой.

Со стороны кухни, едва они только вошли, плыл голубой дым и запах горячего масла – это Петр пек блины. Из вежливости сытые Женя с Тоней и Борисом выпили чаю с блинами. Петр, наслушавшись комплиментов, сияющий, быстро удалился к себе.

– Знаешь, никогда не хотела быть домохозяйкой, – призналась Тоня, когда они с Женей расположились в гостиной перед телевизором. – Барство все это. И самое главное – скучно.

Заглянувший к ним Борис, услышав последнюю фразу, улыбнулся:

– А я бы согласился побыть домохозяйником с полгодика, отдохнул бы, выпался, почитал бы, посмотрел свои любимые фильмы... Я вам не помешаю?

– Боря! – возмутилась Женя. – Ну как ты можешь нам помешать? Располагайся! Вот какой фильм, к примеру, ты хотел бы сейчас посмотреть?

– Да любой с Роми Шнайдер, – не задумываясь ответил он. – Хотя бы знаменитый «Бассейн», где они играют с Аленом Делоном. Что, Тонечка, смотрите так на меня? Я в ваших глазах – динозавр?

– Да я в восхищении! – покраснела Тоня. – Сама обожаю Роми Шнайдер...

Проснулся телефон Бориса. И он, увидев, вероятно, имя на дисплее, моментально из домашнего и готового к просмотру старого французского фильма сентиментального человека превратился в серьезного, с отстраненным взглядом, адвоката.

Клиент, решила Женя, провожая взглядом мужа, четким шагом направляющегося к двери.

– Ну вот и все, посмотрел свою обожаемую Роми Шнайдер!

– У него работа такая.

Он вернулся через пару минут. Взволнованный.

– Помнишь, я рассказывал тебе как-то про одного своего знакомого, Макса Шахлевича?

– Помню. Ты помогал его руководству разругать сложную ситуацию со спорным участком земли под строительство многоквартирного дома. Там, кажется, половина дома стояла на участке, который принадлежал его компании, а вторая половина...

– Да, это он.

– А еще он подавал жалобу на частную стоматологическую клинику, где ему по ошибке удалили совершенно здоровый зуб.

– Да, все правильно. Макс – не сказать что мой друг, но хороший знакомый. Он из нашей охотничьей компании. Приятный такой молодой человек, я бы даже сказал, добрый и даже в какой-то степени наивный. Он не охотник вовсе, ездил с нами на охоту просто отдохнуть от проблем и, в частности, от жены, которая замучила его ревностью. И ни одного животного не убил. Говорит – не могу, и все. Просто дышал свежим воздухом, готовил нам суп на костре и все такое.

– И?!

– У него ну очень большие неприятности. Больше пока ничего не скажу. Мне надо срочно ехать. Вернусь, возможно, очень поздно – он сейчас за городом...

– Потом расскажешь?

Борис вздохнул, развел руками, как бы удивляясь тому, о чем подумал, и, махнув рукой, скрылся за дверью.

– Знаешь, Тоня, иногда мне так хочется стать карманной женщиной, чтобы он повсюду брал меня с собой. Мне кажется, я иногда была бы ему полезна. И вообще, я вот все думаю, чем бы мне заняться, ландшафтным ли дизайном, стать настоящей художницей, садоводом, не знаю... А ведь меня просто тянет ко всякого рода уголовным делам, мне так интересно заниматься расследованием. Может, мне выучиться на юриста да и стать следователем? Как ты думаешь?

– Для начала надо бы родить здоровенького ребенка и хотя бы начать его воспитывать. А там – тебе решать. Но то, что тебя как магнитом притягивают преступления, это точно.

– Умираю от любопытства... Вот что случилось с Максом? Что-то, видать, серьезное...

– Если Борис сказал про охоту, про то, что Макс ни одного животного не убил...

– Я тоже заметила. Конечно, он произнес это не случайно. Думаешь, Макс убил кого-то?

– Во всяком случае, история, в которую он влип, связана с убийством, – предположила Тоня. – И произошло это, как мы понимаем, где-то за городом.

– Да, жаль, что мы не можем поехать с ним... Ну, что ж... Будем надеяться, что когда он вернется, то расскажет нам, что там случилось. А пока – Роми Шнайдер. «Бассейн». Хоть и смотрела этот фильм сто раз, и каждый раз хотелось убить этого подлеца, и знаю, чем все закончится, все равно посмотрю – хоть полюбуюсь на Роми...

Глава 5

15 сентября 2022 г. Ивановка

Дом стоял на окраине елового леса. Двухэтажный, красного кирпича, с башенками. И каждый раз, подъезжая к нему, Макс испытывал радость от осознания, что этот дом принадлежит ему и что внутри него все сделано по его вкусу, что там – его мир. И что бы там ни пыталась устроить Ольга, исходя из каких-то своих предпочтений, он не позволял ей этого делать. Достаточно было того, что она переделала всю московскую квартиру на свой лад, превратила ее в подобие офиса, увлекшись минимализмом и геометрией. В доме же было все иначе, с излишествами, коврами и каминами, картинами и музыкальными инструментами, вазами и мягкими диванами...

Неужели туда кто-то забрался и устроил пожар? Вот почему он так и не собрался установить сигнализацию? Уже и фирму нашел, телефоны записал... На что надеялся? Дом стоит в тихом месте: грабь – не хочу! Рассчитывал на соседа, что тот в случае чего позвонит ему? Какая глупость, беспечность, идиотизм!

Он чуть не плакал, сворачивая на проселочную дорогу, чтобы добраться до дома. Открыл в машине окно, чтобы сразу почувствовать запах дыма. Но вот осталось доехать буквально несколько метров, показались уже красные башенки дома, но никакого дыма не было. Ни запаха гари. Дом стоял, как и прежде – величественный, красивый, манящий поскорее открыть двери и войти в него, раствориться в его тепле и уюте.

Что за чертовщина? И как раз в этот момент он словно почувствовал какой-то подвох. Этот голос в телефоне. На самом ли деле он принадлежал его соседу, старику Григорию Семеновичу? Мужик-то он вроде неплохой, приветливый такой, с добрым лицом. Одинокий. Живет себе здесь, тихий, копается в саду. А сад у него роскошный, с такими яблоками!

Они практически и не общаются, разве что поздороваются через забор, ну, может, о погоде поговорят, о тех же яблоках, которыми он всегда щедро делится. И с чего бы ему выдумать такую нелепицу про пожар?

Макс открыл ворота и заехал к себе. Вышел из машины и осмотрел дом – двери вроде бы внешне закрыты, дыма нигде нет, да и не пахнет им. Свежий лесной воздух.

Подошел к забору и позвал соседа. Тишина. Вот почему он не догадался раньше спросить его телефон? Все-таки сосед, мало ли что. Да и вообще, старый человек. Всякое может случиться. Может, помочь где или еще что.

Он вышел со своего участка и торкнулся в калитку соседа – заперто. Еще раз позвал. Громко – никто не вышел на его окрик. В такой тишине старик наверняка услышал бы. Значит, его все-таки нет. Тогда возникает вопрос: кто и зачем ему позвонил и заманил сюда? Или, может, дело вовсе и не в доме, а в том, чтобы выманить Макса из города? Но зачем? Какой смысл?

Ответ хоть и был очевиден, ведь Ольга убита, а потому все, что сейчас может происходить с Максом, будет связано только с этой трагедией, с этим преступлением, но, с другой стороны... Убийца-то Варвара. Что, если она вспомнила, что забыла что-то в его квартире, позвонила какому-нибудь приятелю и попросила позвонить от имени дачного соседа и выманить Макса из города для того, чтобы самой вернуться и уничтожить следы?

Но что такого она могла забыть? Отпечатки своих пальцев? Может, пуговицу (как это часто бывает в детективных книгах или сериалах) или еще что?

Но рассуждая таким образом, он так и не смог представить себе Варвару с разбитым лицом и повязками на голове, мчащуюся к нему домой, чтобы что-то там забрать, прибраться... Она вполне себе адекватная и смышленная девушка и не может не понимать, что возвращаться сейчас на место преступления для нее опасно. Откуда ей знать, как повел себя

Макс, вернувшись домой. А что, если он сам вызвал полицию и назвал имя убийцы жены? Или же она уверена в том, что он будет молчать из страха, что она притянет и его к преступлению? Она же ясно дала понять, что уже придумала схему для своей безопасности – скажет полиции, что они убивали Ольгу вдвоем.

Он поднялся на крыльцо своего дома и замер, боясь прикоснуться к ручке двери. Мало того что он весь на нервах, что у него волосы вот уже сутки как стоят дыбом и его постоянно тошнит при мысли, что в его квартире убили Ольгу, так теперь еще этот странный звонок.

Дверь была заперта! Это была радость. Он и сам не мог понять, что больше его обрадовало или успокоило: то, что никто не разгромил его дом, или что здесь, на его территории, ему ничто не угрожает. Получается, что целью организатора этого звонка от соседа было на самом деле выманить его из Москвы.

Но... У Варвары нет ключей от его квартиры. Она не могла бы так легко попасть туда, чтобы что-то там исправить, чтобы обезопасить себя. Хотя... Может, она в свое время сделала слепки ключей, копии?

Как же трудно было поверить в то, что его Варенька, веселая и уступчивая девушка, с которой он всегда душой отдыхал и которой полностью доверял, придумала хитроумный план, запаслась копиями ключей от его квартиры.

Да и когда бы она, интересно, это провернула? Она не могла сделать это предварительно. Разве она знала, что убьет Ольгу? Конечно, нет. Значит, это не она?

Макс открыл дверь и вошел в дом. Принюхался. Нет-нет, гарью точно не пахнет. Никто ничего не поджигал. Хотя как будто бы пахнет железом...

Он быстрым шагом прошел внутрь, осмотрел просторный холл, кухню, гостиную, обошел все остальные комнаты, проверил окна – все чисто, заперто. Словом, все в порядке.

Может, по-быстрому вернуться в Москву? Может, прямо сейчас позвонить в полицию и спросить, как ему сейчас лучше поступить, сразу же отправиться в ближайшее отделение полиции здесь, в Домодедово?

И тут его взгляд упал на пол. На красную ковровую дорожку. Это у него в глазах рябит или же он видит бурые пятна, похожие на кровь?

Он моментально вспотел. Оглянулся, потом наклонился, чтобы рассмотреть пятна. Вот еще капли... И еще... Поначалу и не обратил внимания. И он пошел по следу. В самом темном углу холла находилась дверь, ведущая в чулан. Там находился большой шкаф и на противоположной стене широкая полка, на которой были уложены все матрасы, пледы и одеяла, которые только могли пригодиться для ночевки большого количества гостей.

Здесь обрывалась ковровая дорожка и прямо на пороге, на сером плиточном полу Макс увидел примерно такие же кровавые следы волочения, как и дома...

Он настолько растерялся, что не подумал о своей безопасности, ему и в голову не пришло обернуть руку хотя бы носовым платком – он просто взялся за ручку и открыл дверь. И в каком-то сизом, сумеречном свете маленькой комнатки увидел разбросанные по полу одеяла, пледы, просто залитые кровью... Словно здесь зарубили какое-то животное. Да, именно так он и подумал. Представил себе крупного индюка, которому отрубили голову, или кролика...

Эти сцены, как цветная пыль, поднялись из уголков его памяти, из «детской полки». Будучи мальчишкой, он гостил у бабушки здесь же, неподалеку, в Ивановке, и на его глазах его дядька рубил голову сначала индюку, потом кролику... Вся трава была в крови. Семья готовилась к приезду родни. Жарили-парили, пекли. Маленький Макс тогда так и не притронулся к мясу.

У него в голове зашумело. Да так явственно, что он испугался – что это с ним? Откуда этот шум? Может, его, такого молодого, от шока разобьет удар? Но потом он понял, что шумит не в голове. Это был звук подъезжающей машины. Затем прибыла еще одна. Кто-то хлопал

дверцами. Потом он услышал стук в дверь, даже не стук, а настоящий грохот. И не смог пошевелиться. Испугался. Кто это может быть?

– Полиция!

Ах, вон оно что! Полиция. Это кто же так расстарался, что заманил его сюда, перепачкал дом в крови, а теперь еще и вызвал полицию? Как будто бы ему мало было убийства жены. Хотя... А что, если Ольгу убивали здесь? И потом притащили тело в квартиру, чтобы подставить его?

Мысли, одна нелепее другой, крутились в голове – еще немного, и он услышит металлический звук мелодии музыкальной шкатулки, той самой, из которой он каждое утро насыпал в заварочный чайник чай.

Да при чем здесь вообще шкатулка? Почему мозг выдает всякую чушь вместо того, чтобы работать на него, на Макса, чтобы он успел до того момента, как его схватят и возьмут под белые ручки, придумать себе хотя бы какое-то оправдание?

– Максим Иванович Шахлевич? – услышал он громкий мужской голос, и вместо того, чтобы выйти из темноты холла, где оказался, покинув чулан, он вообще забился в самый угол и перестал дышать.

Высокий худой парень в штатском представился следователем, даже назвал фамилию, но вместо того, чтобы память зацепилась за нее, Макс просто представил себе цветущий мавританский газон!

За следователем вошли еще двое, и тоже в штатском. Оперативники? И сразу же почти ввалились в чулан. Словно заранее знали, где пахнет кровью, хоть и запекшейся.

– Где она? – спросил следователь, уставившись на Макса с глубочайшим презрением и какой-то усталостью, как если бы он до этого задержал порядка десятка убийц.

– Кто? – сиплым голосом спросил Макс и прокашлялся. – Я только что приехал. Вот. Как раз хотел позвонить вам.

– Мне? Вы серьезно? – он усмехнулся.

В темноте холла его светлые волосы от голубоватого света чулана тоже стали голубыми, какими-то неестественными.

– Я имею в виду полицию. Я хотел позвонить и рассказать, что со мной произошло.

– И что же? Зарезали женщину, как поросенка, и решили в этом признаться?

– Что вы сказали? Зарезал? Вы что, издеваетесь?

– Или же пристрелили? Что вы с ней сделали, она кричала на всю округу! Нам позвонил ваш сосед и сказал, что в вашем доме убивают женщину.

– Сосед, да? Вы серьезно – сосед? Да он и мне якобы позвонил, да только я не сразу понял, что меня разводят... Что никакой это не сосед...

Он еще что-то быстро, комкая слова и фразы, говорил, пытаясь объяснить, как оказался здесь, в своем загородном доме, но в это время подъехала еще одна машина (он это услышал), и в дом вошли люди с чемоданчиками... Эксперты. Надо же, полный комплект! Следователь, опера, эксперты. Откуда они узнали о том, что в доме произошло что-то криминальное? Возможно даже – убийство.

– Откуда ввв-в-ы узнали? – спросил он, заикаясь. – К-к-кто вам п-п-п-позвонил?

– Нам позвонили и сказали, что женщина кричала так громко, причем кричала, что ее убивают, помогите и все такое... А потом все смолкло. Это был ваш сосед. Он сказал, что собственными глазами видел, как труп вытаскивают из дома и тащат в сад...

– Вы, надеюсь, запомнили номер звонившего? Соседа дома нет, я проверял! И он не мог ничего слышать! И когда это было? Я же только что приехал!

– Разберемся.

Между тем оперативников и след простыл. Они словно растворились в темноте холла. Никто причем не догадался включить свет. А потом следователя кто-то окликнул с улицы. Макс различил только одно слово «сюда!». Следователь бросился на окрик и исчез.

«Какой же воздух тут, у нас, – подумал Макс, вдыхая полной грудью аромат хвои и сырой земли. – Какая красота! И что здесь делают эти люди? Кто изгадил мой дом? Кто влез туда, кто посмел? Что вообще происходит?!»

Ему казалось, что прохладный воздух забрался ему под куртку и выстуживает сейчас душу. Это кому же он так насолил, чтобы у него появился серьезный, коварный враг, причем чуть ли не всемогущий, талантливый на пакости, который каким-то образом смог пройти в его дом, возможно, взломать замки или подобрать к ним ключи, найти чуланчик, такой еще недавно чистенький и уютный, набитый новыми одеяльцами и пледами...

Следователь окликнул теперь уже полицейского, и детина толкнул Макса в спину, мол, иди вперед. Макс чуть не упал, зацепившись за ступени, потому что ноги не слушались его.

Справа от дорожки, посыпанной гравием, росли зеленые свежие туи, дальше вдоль высокого забора были высажены голубые ели. Как же хорошо они принялись, подросли за эти два последних года! Вот оттуда, из еловой голубизны и красоты и доносились теперь голоса. Какие-то чужие люди забрались в самую хвойную гущу – и что теперь там делали? Что интересного там нашли?

Макс даже зажмурился от собственных мыслей и предположений, как будто бы это могло спасти его от неминуемой беды.

«Какой же я трус! Ведь я же ничего плохого никому не сделал! Никого не убивал! Тогда почему же вокруг меня теперь кровь? Кто эти люди, решившие так жестко меня подставить? Ведь там, в голубых елях...»

На влажной черной земле лежал женский труп. Незнакомая ему женщина. Не Ольга (Макс мысленно перекрестился). Нет, это не она. Совершенно другая. Блондинка, крутые кудряшки обрамляли синюшное лицо с полуоткрытыми глазами. Рот тоже был приоткрыт, виднелись два белых передних зуба, как у белочки. Голова, как показалось Макс, вообще была отрезана, и кровь разлилась по белой блузке и надетом поверх нее белому кашемировому джемперу. Голубые брюки. Женщине было под сорок лет. Фигура – Макс не часто видел женщин с такой полной грудью, широкими бедрами и, что называется, осиной талией. Если бы скульптор изваял такую женщину, ему бы никто не поверил, сказали бы, что таких не бывает. Что женщина с такой тонкой талией может переломиться! И, главное, непонятно, это красиво или, напротив, уродливо!

Господи, и что только лезет в голову! Может, он сходит с ума?!

И туфли лодочки темно-синего цвета. Совсем без каблучков. Ей бы на шпильках ходить, покачивая своими шикарными бедрами, а она почему-то в этих некрасивых, но наверняка удобных лодочках.

– Вам знакома эта женщина? – спросил Макса следователь.

Он вдруг вспомнил его фамилию – Луговой. Павел Семенович Луговой. Память подкинула ему зачем-то эту уже ставшую бесполезной информацию. Да какая теперь разница, как его зовут, если в саду Макса обнаружен труп! А в его доме – море разлитое крови?!

– Ей что, голову отрезали? – удивился он. – Но зачем?

– Это вы меня спрашиваете? Я повторяю свой вопрос: вам знакома эта женщина?

– Да нет же! Впервые вижу! Кто она такая? И как оказалась в моем саду? Получается, что ее убили в чулане и принесли сюда. Но я и правда ее не знаю. Вы же меня не слушаете, а я говорю вам, что меня сюда заманили. Враги заманили. И понятия не имею, кто именно. Мне позвонил сосед, это я так думал, а на самом деле это же мог быть кто угодно, вернее, тот, кому нужно было, чтобы я приехал сюда практически одновременно с вами и чтобы вы арестовали меня за убийство этой несчастной!

Он готов был говорить еще много чего, но предложения выходили какими-то корявыми, нескладными, да и челюсть сводило. Его организм физически противился обрушившемуся на него кошмару. Еще немного, и его стошнит, причем прямо под ноги, если вообще не на ноги этой бедной блондинки...

– Пожалуйста, отпустите меня. Я здесь ни при чем! Я не знаю, кто она такая! Понятия не имею! Меня вызвали сюда звонком, вот, возьмите мой телефон и сами все увидите! Мне позвонили и сказали, что у меня пожар! Пробеите номер, наконец, и вы все поймете! Вы слышите, что я говорю? Пожар!

Вот! Наконец-то он произнес это важное слово, которое раньше почему-то не мог вспомнить. Пожар!

– Соседа зовут Григорий Семенович. Фамилию не помню. Позвонил и сказал, что из окна моего загородного дома валит дым, что пожар, понимаете? Я все бросил и примчался сюда.

– Нам тоже позвонил Григорий Семенович и сказал, что из вашего дома раздаются душераздирающие женские крики, женщина кричит, что ее убивают! – мрачно заметил Луговой. – Мы приехали – и, пожалуйста, труп! Чем же вы ее убили?

Человек, чуть ли не на карачках ползающий вокруг трупа, немолодой уже мужчина в очках и фиолетовой куртке, эксперт, видать, поднялся, отряхнулся и сказал, качая головой:

– Пилжигли.

– Что, что он сказал? – спросил, не разобрав это слово, Макс. – Что такое пилжигли?

– Пила джигли, – спокойно ответил Луговой. – Это такой медицинский инструмент, такая тонкая и очень страшная проволока с ручками, которой ампутируют, откусывают конечности... Так что ей голову, как вы выразились, почти отрезали.

Макс, мгновенно представив себе этот процесс перерезания-перетягивания горла блондинки, содрогнулся, и его мгновенно вырвало.

Луговой отпрянул от него, столкнувшись со стоящим позади него полицейским и чуть не свалив его на тую.

– Извините... – Макс достал из кармана носовой платок и вытер рот.

Как же ему сейчас хотелось, чтобы все они (вместе с этой мертвой женщиной, разумеется) исчезли. Чтобы он спокойно вернулся к себе в дом, заперся бы там, включил камин и приготовил себе чаю с облепихой.

Воображение мгновенно нарисовало ему прозрачный, запотевший, наполненный апельсиновой ароматной жидкостью чайник с пробковой крышкой, и на мгновение он перенесся в рай. В свою прежнюю жизнь, в которой ему было так спокойно и уютно (не считая, конечно, вечерних разборок с женой, ее ядовитых упреков и откровенной неприязни).

Он глотнул прохладного воздуха и, собравшись, произнес важную и своевременную фразу. Фразу-спасение. Фразу-надежду.

– Я могу позвонить своему адвокату?

Глава 6

15 сентября 2022 г. Ребров

Валерий Ребров с самого утра дописывал обвинительное заключение по одному сложному уголовному делу. Сроки поджимали, надо было успеть закончить к 16 сентября, то есть к завтрашнему дню. Он не спал уже сутки – слишком объемным получался документ, он, Валерий, по сути, почти двое суток жил на службе. И вот теперь, когда оставалась самая малость, буквально пара предложений, и он уже представлял себе, как вернется домой, примет душ и пожарит картошку, позвонил Борис Бронников.

Братья Бронниковы. Женя. Это были его близкие друзья, почти семья. Подружились они, конечно, благодаря одному запутанному «делу о трех девушках», в распутывании которого активное участие приняла бывшая домработница дома Бронниковых, а теперь жена Бориса, Женя. И если поначалу Валерий относился к ее вмешательству как к игре, не особо веря в результат, то потом понял, что ошибался. Женя, помимо того, что была просто хорошим, приятным в общении, интересным человеком, обладала способностью анализировать и мыслить логически, была чрезвычайно наблюдательна, была хорошим психологом и, что не менее важно, у нее была хорошо развита интуиция.

Плюс к этим драгоценным качествам упорство, терпение, твердость в принятии решений. Но так уж распорядилась судьба, что она со всеми своими талантами и способностями много лет, несмотря на свои двадцать с хвостиком, проработала домработницей в доме Бронниковых (правда, прежде в этом доме проживала семья ее двоюродной сестры, и Женя досталась братьям как бы «по наследству») и только теперь, когда она (к удивлению всех, кто знал Бориса!) вышла за него замуж, могла спокойно заняться поисками себя, выбрать профессию.

Ребров не сомневался – Женька пойдет учиться на юриста. Захочет стать следователем. Но вот когда – теперь это большой вопрос. Женька была беременна, и кто знает, как дальше у нее все сложится...

Борис звонил Валерию в двух случаях – либо по работе, когда ему требовалась его помощь, либо для того, чтобы пригласить в гости в Подольск, в свой загородный дом. В доме у Валеры была даже своя комната! И Ребров это ценил, дорожил дружбой и для Женьки, Бориса и Петра (которым тоже, кстати, восхищался, считая его самым оригинальным и добрейшим бездельником на свете) был готов на многое. Сам же он звонил братьям не так часто, как ему хотелось бы, боялся показаться навязчивым, даже робел перед Борисом в силу своего характера и ненавидел себя за это. Возможно, потому, что был младше (Борису было уже сорок шесть), но в основном потому, что Борис Бронников считался в Москве крутым адвокатом, во-первых, во-вторых – все знали его крутой нрав, его природную грубость и жесткость.

Однако, как выяснилось, он мог быть и совершенно другим – достаточно посмотреть на его брак с Женей, в котором он проявил себя как человек в высшей степени добрый, ласковый и даже нежный.

– Слушаю, Борис Михайлович.

Борис звонил по поводу задержания своего клиента и друга Максима Шахлевича, которого подозревали в убийстве женщины, труп которой обнаружили сегодня в саду его загородного дома в Ивановке, в Домодедово. Он спросил его, знаком ли тот со следователем Павлом Луговым. Он не был знаком, но знал, кто ему может помочь выйти на него.

– Я все сделаю, – пообещал Ребров.

– Спасибо, Валера.

Ну вот и все! Ребров поставил точку в обвинительном заключении и вместо того, чтобы отправиться домой и отдохнуть, сделал несколько важных звонков.

Через полчаса ему отзвонились и сказали, через кого он непосредственно может выйти на Лугового. И только спустя полтора часа он дозвонился до самого Павла, который был предупрежден о его звонке.

Луговой был еще в Ивановке, они договорились встретиться в семь вечера в условленном месте – в кафе «Сойка» на Красной Пресне.

Ребров приехал на полчаса раньше и не прогадал – Луговой, высокий, светловолосый (каким его описал знакомый следователь, близкий друг Павла), уже сидел за столом, перед ним стояла тарелка с ярко-желтым супом.

– Приветствую. Ребров, – Валерий протянул ему руку.

Луговой привстал и ответил на рукопожатие.

– Павел. Тыквенный суп, рекомендую, – сказал он.

– Не люблю тыкву.

– А вы попробуйте.

Ребров вздохнул, и Луговой, который понял, что тот волнуется и что ему не до еды вообще, кивнул головой, мол, понимаю.

– Да я и сам не пойму, что произошло, и клиент Бронникова, этот Шахлевич, не похож на убийцу, но либо он не в себе и убил, находясь в шоковом состоянии, и сейчас ничего не помнит, либо его кто-то крепко подставил. Но дело в том, что я только что осматривал его квартиру... Думаю, что вы пока еще не в курсе, да и Борис Михайлович тоже, – в его квартире также совершено убийство. Возможно, именно эту женщину там убили и вывезли труп в Ивановку, либо... Дело в том, что в полицию позвонили и сказали, причем в одно и то же время, что в загородном доме в Ивановке убили женщину и что ее труп находится в саду Шахлевича, и что к тому же еще пропала его жена Ольга, и что труп он спрятал. Вот так, буквально за несколько секунд звонивший обрисовал ситуацию с подозреваемым. И что бы вы думали – в квартире Шахлевича повсюду кровь, он даже не попытался ее как-то отмыть... Там следы волочения, угол стола в крови... Там явно была драка, все разрушено... Настоящий погром!

– Жена... Этого я не знал.

– Говорю же – Бронников тоже пока не в курсе. Мы пытались связаться с Ольгой Шахлевич по телефону – там глухо. Телефон не отвечает.

– И что ты думаешь? – Ребров и сам не заметил, как перешел на «ты».

– Вот я и говорю – либо он сошел с ума и убил двух женщин, либо его подставили.

– А что с алиби Шахлевича?

– Пока что нет никакого алиби. Он говорит, что двенадцатого сентября был в разъездах, что у него было много дел... Словом, все как-то мутно... Непонятно. Думаю, он просто не может вспомнить все в подробностях или же ему нужно время, чтобы все придумать, найти свидетелей или придумать таковых.

– Или же он просто в шоке.

– Может быть. Ладно, будем работать. Борис Михайлович уже у нас, беседует с Шахлевичем.

– Может, я чем помогу?

– Для начала надо бы опознать убитую. Макс этот... Бронников зовет его Максом, понимаешь, да? Ну и я тоже, для удобства. Так вот, он утверждает, что не знаком с ней, ни разу не видел.

– Он кто вообще, этот Макс?

– Финансовый директор крупной строительной компании. Я не удивлюсь, если узнаю, что все это – подстава, что от него просто кто-то захотел избавиться. Все-таки там крутятся огромные деньги, возможно, он отказался подписывать какие-то документы (у меня уже было похожее дело, когда человек, финансист тоже, отказывался от откатов, мешал проворачивать сомнительные сделки, и его убрали) ...Но, с другой стороны, как-то все слишком сложно, и

при чем здесь эта женщина? Короче, займись семейной жизнью Шахлевича, выясни все про жену...

– Я понял.

Ребров достал блокнот и принялся записывать ту скупую информацию по Шахлевичу, которой располагал Луговой: фамилию, адрес, номера телефонов Макса и его жены, адреса, название строительной конторы... Потом Павел с Валерием обменялись номерами телефонов.

– Понимаю – не густо. Но ты начни, может, нароешь чего, – Луговой развел руками. – Пока только это.

– Спасибо. Будем на связи.

– Договорились. Да, вот еще что... Если сунешься куда и поймешь, что засада, ну, ты сам понимаешь, я же дело веду... Ссылайся на меня. Звони, я все разрулю. Помогу. В квартиру Шахлевича тебе сейчас нельзя, там мои эксперты работают. Я был там, но знаешь, думаю, что туда еще стоит вернуться, чтобы уже без суеты, спокойно все посмотреть. Подъезжай на Пречистенку часам к десяти сегодня, сможешь? Вместе поработаем.

– Конечно.

– Тогда до встречи!

И хотя информации было на самом деле очень мало, надо было с чего-то начинать. До десяти вечера еще долго.

Вот что он может сейчас предпринять? Чем заняться? Пробить Ольгу по базе? Что ж, может, и Луговой уже все про нее узнал, но что поделать – продублирует, хоть что-то узнает.

Понятное дело, что в Москве проживала не одна Ольга Шахлевич. Однако ни одна из них не являлась женой Максима Ивановича Шахлевича.

Конечно, когда он окажется в квартире Макса и увидит хотя бы одну фотографию Ольги, ему будет уже легче работать. Но пока приходится блуждать, как в тумане.

Он не догадался спросить, где она работает. Но если бы работала, может, Луговой и сказал бы. Не работает? Домохозяйка? Если муж – финансовый директор строительной компании, семья не бедная, она вполне может быть домохозяйкой.

Телефон просигналил – пришло сообщение. От Бронникова! Ну, наконец-то! Ого! Отлично! Борис прислал фотографию Ольги, немного мутноватую. Вероятно, это фото было в портмоне Макса. Значит, Борису позволили осмотреть вещи своего подзащитного. Что еще? Новое сообщение: номер телефона Ольги. Тоже ценно. Однако Луговой же сказал, что телефон не отвечает.

«Вечером к 22.00 подъезжай к дому Макса. Там тебя встретит Луговой, ты знаешь. Он хороший парень, я с ним поговорил. Будете работать вместе. После осмотра квартиры приезжай к нам, поговорим. Тоня готовит плов. До встречи».

Ребров улыбнулся. «Тоня готовит плов». Антонина, близкая подруга Женьки. Ведь это с нее, по сути, все и началось. Это в ее комнатке на окраине Подольска и собирались каждый год в один и тот же день «три девушки»... И это ее, Тоню, которую уже готовы были обвинить в убийстве, защищал Борис Бронников. Тогда и вспомнил про Валерия, позвонил, попросил помочь...

Женя, Тоня, Борис, Петр! Какая компания соберется! Конечно, он приедет!

Но что он может сделать полезного сейчас? Теперь, когда у него есть, пусть и некачественная, фотография Ольги Шахлевич, он может еще раз попытаться найти ее в базе.

Он отправил фото коллеге в Следственный комитет, а сам отправился на проспект Вернадского, в клининговую компанию, оказывающую услуги жильцам элитных квартир в центре Москвы. Он сам лично был знаком с хозяйкой этой компании, Татьяной Сорокиной, проходившей по одному делу в качестве свидетельницы. Ее родственница попала в сложный переплет со своим сыном-подростком. К счастью, мальчишка еще не успел передать полученный от приятеля пакет с наркотиками по адресу, был страшно напуган, все рассказал матери, а она,

в свою очередь, обратилась за помощью к подруге, которая и свела ее с Ребровым. История закончилась, так и не успев начаться.

И теперь Сорокина чувствовала себя обязанной Валерию. Вот поэтому, только увидев его на пороге своего кабинета, она встретила его с улыбкой. Сразу, наверное, поняла, что он заглянул к ней явно не на чашку кофе, что ему понадобилась помощь.

Он назвал адрес квартиры Шахлевичей, спросил, не являются ли они клиентами фирмы. Оказалось, что да, был вызов, но всего один.

Дело было весной этого года, был заказ на генеральную уборку с мытьем окон. Сорокина дала телефон девушки, Кати Шаровой, главной в бригаде, убиравшей квартиру, но сама же ей и позвонила, попросила ее оказать содействие Реброву, ответить на все его вопросы.

Реброву было бы неловко, если бы Сорокина спросила его, что мешает ему самому опросить, скажем, соседей, чтобы узнать о семье Шахлевичей. Да и что он мог бы ответить? Что это не он ведет дело об исчезновении хозяйки, что он в деле вообще никто, просто помощник, действующий по просьбе известного московского адвоката. Она даже не спросила, зачем ему вообще что-то знать об этих людях, вероятно, поняла, что он действует по службе.

– Валерий Николаевич, если вам понадобится убрать квартиру, обращайтесь, вам все сделают бесплатно!

– Спасибо, конечно, но я уж сам... – покраснел Ребров, так и не вспомнив, когда он последний раз мыл полы в своей квартире.

Он встретился с Шаровой через полчаса в «Кафе 35». Катя, совсем девчонка, симпатичная, блондинка с короткой стрижкой, в джинсах и мятного цвета курточке, сидела за столиком с администратором кафе и что-то тихо ей говорила. Это позже Ребров узнает, что у Кати умерла бабушка и что она договаривалась здесь о проведении поминок.

Для разговора с Валерием она вышла на улицу, достала сигареты и закурила.

– Меня предупредили о вас. Что вас интересует?

Он назвал адрес (Катя мгновенно отреагировала, вспомнив клиентов) и попросил рассказать хоть что-нибудь о хозяевах квартиры, в которой они убিরались.

– Его, то есть мужа, я не видела. Хозяйка, довольно молодая еще женщина, ухоженная такая, показала нам квартиру и тоже ушла. Поэтому об этой семье мне и рассказать-то нечего. Конечно, по квартире можно определить, что за люди там живут. Небедные, это точно. Но совершенно без вкуса. Квартира какая-то безликая, холодная, там все какое-то геометрическое, неинтересное. Я бы лично там жить не смогла. Не квартира, а офис какой-то. Хозяева спят в разных спальнях, если это, конечно, интересно. Убираться там легко, да и квартира-то была более-менее чистая. Знаете, это вот как раз тот случай, наверное, когда квартира словно молчит о своих хозяевах. Не хочет ничего рассказывать. Вы же следователь? Мне Татьяна перезвонила, объяснила, что вам все это нужно по работе. Так вот, если вас интересует эта семья, значит, там не все гладко... Да?

И, не получив ответа, продолжила:

– Понимаю. Тайна следствия. Так вот. Я знаю, кто вам может помочь. Татьяна ничего не знает, ей бы не понравилось это, фирма же потеряла клиентов... Просто одна из наших работниц после уборки поговорила как раз с хозяйкой этой квартиры, спросила, не нужна ли им помощница по хозяйству. И ей дали постоянную работу, представляете!

– Значит, у них есть домработница.

– Да. Девушку зовут Оксана. Она одна воспитывает маленькую дочку трех лет, снимает квартиру... Словом, вот она-то точно сможет вам рассказать об этой семье.

Катя сообщила ему номер телефона Оксаны Снегиревой, сказала, что сама сейчас позвонит ей и предупредит о нем, Ребров поблагодарил ее и вернулся в машину. Подождал четверть часа, чтобы девушки успели поговорить, и только после этого позвонил Снегиревой. В отличие от Кати, которая каким-то чудесным образом назначила ему встречу на проспекте Вернад-

ского, то есть неподалеку от того места, где находился сам Ребров, домработница Шахлевичей была дома, а проживала она в районе Савеловского вокзала. Она сказала, чтобы он позвонил ей, когда подъедет к дому, предупредила, что в квартиру она его не пригласит, потому что дочка приболела, что, возможно, у нее грипп, она заразная.

Ребров и сам понимал, что, возможно, впустую тратит время и что расследовать дело, когда у тебя нет совсем никакой информации, мартышкин труд. Но, с другой стороны, ведь Луговой-то вряд ли знает о существовании домработницы. Хотя именно они могут рассказать о своих хозяевах куда больше соседей или даже близких друзей и родственников.

Конечно, когда он осмотрит квартиру Шахлевичей, тогда, может, поймет об этих людях больше. Но туда он сможет попасть лишь вместе с Луговым в десять вечера. И он отправился на Савеловскую.

Оксана Снегирева была очень похожа на Катю Шарову. Молоденькая, светловолосая, только не такая худенькая, даже сбитая, румяная. И одета она была почти так же, как и Катя, в джинсы и бледно-голубую курточку.

Ребров пригласил ее в машину.

– Скажите, Оксана, когда вы в последний раз видели свою хозяйку?

– Что-нибудь случилось? – Она даже слегка поморщилась, словно от боли. И ее вопрос повис в воздухе.

– Так когда? – повторил свой вопрос Валерий.

– Девятого сентября, в пятницу я уже не вышла, потому что в четверг вечером, это было восьмое число, у Милы поднялась температура. Да-да, – она закусил губу и сощурилась, вспоминая. – Вечером. Когда я забрала ее из садика. Значит, видела я Ольгу тогда же, в четверг, восьмого сентября.

– Она пропала.

– Да? Когда?

– Двенадцатого. Оксана, что вы можете рассказать об этой семье? Какие отношения были между Максом и Ольгой?

– Отношения... Да как вам сказать? Максима Ивановича целыми днями не бывало дома. Поэтому вспомнить, как они между собой ладили или не ладили, ведь именно это вас интересует, я и не могу. Я же прихожу к ним три раза в неделю, в понедельник, среду и пятницу, работаю с девяти часов до трех. Но если надо, Ольга Владимировна вызывает меня в любой день, говорит, что надо что-то сделать. Помочь ей повесить шторы, к примеру, или убраться после установки новой душевой кабины... Ситуации бывают разные. Так, ладно, я отвлеклась. Вас интересуют их отношения. Думаю, их попросту нет.

– Как это?

– Да вот так. Зачастую Максим Иванович приходит домой уже сытый, где-то ужинает, скорее всего в ресторане. Принимает душ, надевает халат и располагается на диване перед телевизором. Ольга Владимировна в это время относит себе еду в спальню и тоже смотрит телевизор... Они почти не разговаривают.

– Быть может, они ругались?

– Не знаю, можно ли это назвать руганью... Обменивались иногда колкостями, но не грубо... Было такое ощущение, словно они намеренно стараются не разговаривать друг с другом, чтобы как раз не задеть, не зацепить, понимаете? Быть может, они вели себя так сдержанно в моем присутствии, а когда я уходила, давали волю своим чувствам... Не знаю. Но они явно не ладили. Просто жили вместе, и все. Хотя повсюду по квартире можно увидеть их совместные фотографии.

– Хорошо, Макса вы видели редко. А Ольга? Чем она занималась целыми днями? И вообще, какая она?

– Знаете, она – ипохондрик. Вечно ищет у себя какие-то болезни, записывается на прием к врачам, постоянно сдает анализы, пьет горстями таблетки. Хотя внешне выглядит совершенно здоровой. Недавно вот лежала в какой-то частной клинике на обследовании. То в дневном стационаре лежит. Да делать ей нечего! А уж сколько времени она проводит в салонах! Не знаю, что она там делает. На голове и без того всегда хорошо уложенный горшок... Извините, у нее просто прическа такая, густые волосы, как шлем такой... Помыла, уложила феном – и голова всегда в порядке. Всем бы такие густые волосы. Правда, она их красит, это я точно знаю. Так что с ней случилось?

– Быть может, вы случайно слышали ее телефонные разговоры? С кем и о чем она говорила?

– Да, она говорила иногда с кем-то, жаловалась на врачей, которые только деньги берут, а сами ничего не знают. Да и вообще она словно не довольна жизнью. Я вот не понимаю, как можно ходить такой кислой, когда денег куры не клюют, когда всего в избытке. У нее знаете сколько вещей в гардеробной? Некоторые она даже не распаковывает! Там целое состояние! Это мы, простые люди, постоянно ищем, где бы денег перехватить, чтобы заплатить за ипотеку, кредиты и все такое... Хотя, знаете, я думаю, что все дело в том, что Максим Иванович просто не обращает на нее внимания. Возможно, у него кто-то есть...

– Вам что-нибудь известно?

– Как вам сказать... Знаете, чувствую себя какой-то предательницей... Но думаю, что есть. Он иногда в своем кабинете разговаривает с какой-то женщиной. Нежно так воркует. Явно влюблен. Я, к примеру, глажу белье, в квартире тихо, и вдруг слышу, как он говорит: «Варвара... Варя...» Правда, иногда он сердится на нее, даже покрикивает... Но тоже как-то не зло, даже ласково. Да, у него есть любовница. Определенно. И Ольга Владимировна, полагаю, об этом знает. Поэтому и ходит такая кислая. Но все это мои предположения, я же ее не видела.

– А в последнее время ничего странного не наблюдали? Может, ссора... Может, случайно услышали что-то, когда кто-то из них говорил по телефону? Угрозы, например?

– Да я вот пытаюсь вспомнить... Но нет. Ничего такого. Возможно, они готовились к разводу, но это, говоря, просто мои фантазии, ну потому что нельзя жить вот так под одной крышей, не разговаривать, они даже ужинали вместе редко. Он-то вообще любитель ресторанов, не очень-то любит домашнюю еду, а она... Думаю, она тоже ест где-то в городе. Они редко просят меня что-то приготовить. Я все больше уборкой занимаюсь. Даже когда чисто, Ольга Владимировна просит меня снова пропылесосить, помыть окна... Я вот думаю, если бы у них были дети, может, и отношения как-то наладились... Значит, говорите, она исчезла? Странно... Я никогда не слышала, чтобы у нее были где-то родственники, родители, чтобы она к кому-то ездила. Словно она совсем одна. Да и Максим Иванович тоже. Хотя, повторяю, может, это они при мне так себя ведут... Не знаю... Странная пара. Холодная.

Ребров поблагодарил Оксану, дал ей свою визитку, чтобы она позвонила, если вспомнит что-то важное, и поехал на Пречистенку.

Была только половина восьмого, и до встречи с Луговым оставалось еще полтора часа, но Ребров уже не знал куда себя деть и чем заняться. Поэтому, купив по дороге кофе с бутербродом, он расположился в машине рядом с воротами элитного дома, где проживал Макс Шахлевич, и стал следить за улицей. И как же он обрадовался, когда буквально спустя минут двадцать Луговой сам позвонил ему и сказал, что едет, что будет минут через пять.

Валерий быстро съел бутерброд с сыром, допил кофе и даже вышел из машины, чтобы выкурить сигарету.

Луговой, притормозив рядом с машиной Реброва, вышел и пожал ему руку.

– Давно здесь?

– Да нет... Недавно.

Реброву было не совсем приятно, что его застали здесь задолго до назначенного часа. Как будто бы у него не было других дел. Но что делать, раз такие условия?

– Хорошо, что ты приехал пораньше. Да и я перестраховался, решив, что ничего не успею до встречи... Ну да ладно! Пойдем! Представляю, что ты думаешь обо всем этом... Ни тебе информации, ничего... Сейчас введу тебя в курс... Пойдем!

Они вошли в ворота, в большом холле первого этажа на ресепшен Луговой с Валерием показали охраннику свои удостоверения.

– Сейчас осмотрим здесь все... Знаешь, в таких домах соседей хрен опросишь... Такие все... Ну, ты понимаешь. А это ничего, что у них за стенкой произошло убийство?

– Все-таки убийство?

– Да там кровищи полно... Наши эксперты уже проверили – это кровь Ольги Шахлевич.

– Так быстро? – удивился Ребров.

– Дело в том, что в спальне обнаружена ее дамская сумка, та, которой она пользуется в настоящее время... Что, кстати, уже указывает на то, что вряд ли она куда-то сама ушла без сумки, кошелька и прочего... Так вот, там мы нашли носовой платок, испачканный кровью, предположительно, у нее носом пошла кровь. Не думаю, что она положит в сумку чей-то чужой платок или свой платок, испачканный чужой кровью... Так вот, эта кровь на платке, и кровь, которую мы обнаружили в квартире на полу и на столике, принадлежит одному и тому же человеку.

– У меня тоже кое-что есть... – И Ребров рассказал Луговому о разговоре с домработницей Шахлевичей.

– Ого! Отличная работа! Значит, говорит, что отношения были так себе, да? Что спали в разных комнатах... Конечно, все эти признаки вовсе не указывают на то, что Шахлевич – убийца, но на это указывают следы крови, следы волочения... Труп явно взгромоздили на подоконник, и окно открывалось, и тело вроде бы как должны были скинуть в палисадник, но мы там все просмотрели – ничего не нашли... Хотя пятна крови на траве были, мы просвечивали ультрафиолетом. Однако сама трава не примята. Да и возможности, чтобы подогнать незаметно к палисаднику машину и погрузить в нее труп – нет. Ну невозможно! Повсюду установлены камеры, охрана делает обход, к тому же весь первый этаж – огромный холл, прозрачный, стеклянный и отлично просматривается! Либо преступнику все же удалось каким-то невероятным образом протащить труп из палисадника на тротуар, и его никто не заметил (что было бы ну очень странным!), либо труп никто не скидывал и его просто не было. Хотя я не удивлюсь, если мы его обнаружим в самом удивительном месте... Где-нибудь между этажами или вообще в другой квартире... ну не могло же тело испариться!

– Если оно вообще было, – осторожно заметил Ребров. – Ты не подумай, я не к тому, что обязан вместе с Бронниковым защищать Макса, но просто тела-то нет. И ладно бы Макса обвинили в убийстве жены, в это еще можно поверить, но в саду нашли еще одно тело... Причем натуральный труп! Возможно, исчезновение жены – это просто часть плана или отвлекающий маневр. Да и вообще, пока труп жены не обнаружен, мы не можем обвинять его в ее убийстве.

– Представь себе, я тоже такого же мнения! Ладно, мы пришли...

Они поднялись на лифте на третий этаж, прошли по мраморному коридору до двери в квартиру.

– Пять комнат. Можно в футбол играть. Пространства много, но я бы точно не хотел иметь столько комнат. Да и жена отказалась бы мыть такие площади. А домработницу мы бы точно не потянули, чисто психологически. Все-таки чужой человек в доме.

Ребров, слушая Лугового, вошел в квартиру. Вспыхнул свет, и обилие белых поверхностей буквально ослепило его. Белая кожаная мебель, белые шкафы, кресла, книжные шкафы, белые лампы... Как в люксовой больнице. И чистота необыкновенная.

Реброву захотелось снять ботинки, но он подумал, что от носков (хоть он и надел утром чистые) будет пахнуть.

– Идем, это здесь...

Луговой показал место в квартире, где была кровь, показал стеклянный столик, угол которого был выпачкан кровью. И подоконник. Очень широкий белоснежный подоконник был просто создан для таких вот живописных жирных кровавых полос и пятен.

– На ручке окна сохранились отличные отпечатки, и там тоже кровь. Но они не совпадают с отпечатками Макса. Предполагаю, что либо убийца так небрежно себя повел, наследив, либо это жертва цеплялась за окно... То есть оставалась живой.

Валерий вместе с Павлом Луговым провел в квартире Шахлевичей почти два часа. Все, о чем рассказала ему домработница Оксана, подтверждалось на каждом шагу. Дом так ничего и не рассказал о своих хозяевах. Все было белым, чистым, холодным, бездушным, даже растений в квартире не было. Никаких. А в холодильнике одни йогурты, молоко, фрукты. Ни тебе кастрюль с супом, ни контейнеров с котлетами, даже хлеба в хлебнице не было.

– Паспорт Ольги нашли? – спросил Ребров.

– Нет. Вот паспорта как раз нет. Кстати говоря, она не Шахлевич. Но об этом я узнал от самого Макса. Он сказал, что она по паспорту вовсе и не Ольга, а Алена, и что фамилия ее, вероятно, девичья, Чепик.

– Так вот почему я так и не нашел ее в базе...

– Я пробил ее – нигде не засветилась. Да, теперь женщины предпочитают, выходя замуж, оставлять свою девичью фамилию, если она, конечно, не какая-нибудь ужасная... Что ж, значит, фамилия Чепик ей больше нравится. Или уже нравилась...

– У Макса есть или была любовница, ее зовут Варвара... Но это не точно...

– Да. Я знаю. Он тоже мне сказал. Вернее, вынужден был сказать, потому что ее номер был одним из самых используемых им. Правда, там было написано Варламов. Я собирался было уже искать этого Варламова, как Макс сказал, что это телефон девушки по имени Варвара. Попросил ее не трогать, мол, она ни при чем... Знаем мы эти «ни при чем»! Ревность, ненависть к соперницам – сам знаешь, сколько крови пролито из-за этих сильных чувств. К тому же кто знает, кого здесь убивали. А что, если носовой платок в сумке Ольги, то бишь Алены Чепик, принадлежал не ей, а как раз этой Варваре. Что, если Варвара пришла к жене своего любовника выяснять отношения, может, попросила ее отпустить мужа, между женщинами произошла драка... Кстати, наши эксперты собрали прямо-таки внушительных размеров клочки волос! Рыжих волос! Здесь была точно драка, причем, возможно, между женщинами. Может, никто и не собирался никого убивать, но одно неосторожное движение, и женщина падает и ударяется головой об угол вот этого столика... Сколько уже было таких случаев только на моей практике! Самое, я бы сказал, обидное убийство. Человек падает навзничь и умирает. И все, тот, кто толкнул его, уже обречен, его жизнь покатила по наклонной: тюрьма и все такое...

– А когда он видел последний раз свою любовницу?

– Он промолчал. Думаю, Бронников его проинструктировал. Или же Макс просто от страха, что скажет что-то лишнее, молчит.

– И где же ты будешь ее искать?

– Да я, в сущности, ее уже нашел. Наш Макс буквально сегодня с самого утра вел оживленную переписку с Варварой, и вот из этих сообщений я и узнал, что она находится в одной из московских клиник, так что телефон выдал его с потрохами. Я позвонил в клинику и выяснил, что пациентка по имени Варвара, фамилия ее Утешина, находится там, причем с двенадцатого сентября. Возможно, она там прячется или зализывает раны... Вот поеду и все узнаю.

– Отлично! Во всяком случае, мы знаем, что хотя бы Варвара жива и находится в больнице. Но кто же та, другая женщина, что вы нашли в саду?

– Вопрос. Шахлевич утверждает, что не знает ее.

– Ты покажешь ее фото Варваре?

– Непременно. Но что-то подсказывает мне, что на этот вопрос я вряд ли так скоро получу ответ. Уж слишком кто-то постарался, чтобы запугать Макса, подставить его и запутать нас. И я не удивлюсь, если узнаю, что все, что мы с тобой сейчас видим, эта кровища в квартире, просто декорация какого-то чудовищного плана. А жена Шахлевича где-нибудь отдыхает...

– Но если так, то почему же тогда сам Макс утверждает, что она пропала?

– Знать бы...

– Если бы он был виноват и, к примеру, убил свою жену, то первое, что сделал бы – это привел свою квартиру в порядок, а там, в Ивановке, даже уже почувствовав, что на самом деле влип с этим убийством женщины, уж точно промолчал бы о пропаже жены. Сказал бы, что она уехала, к примеру. А так получается, что у него труп в загородном доме, в московской квартире море крови, да еще и жена пропала... не слишком ли много всего навалилось на него?

– Разберемся.

– Хорошо. Тогда поступим так: я еду в клинику навестить Утешину, а ты куда сейчас, домой?

– Я встречаюсь с Бронниковым. Думаю, он поделится со мной информацией, и мы вместе с ним решим, как мне дальше действовать.

– Вот и отлично. Тогда – на связи.

Ребров вышел на свежий воздух. Так холодно было, что казалось, пойдет снег. Какой же холодный выдался сентябрь. Он позвонил Борису Бронникову. Тот был еще на работе.

– Ты поезжай к нам, там и встретимся, – сказал Борис. – Женя с Тоней тебя уже заждались. А я позже буду.

Судя по голосу, Борис был не в самом хорошем расположении духа. Чувствовалось, что он устал. Видимо, трудным клиентом оказался Макс Шахлевич. Вернее, его дело.

Что ж, Ребров сделает все, чтобы помочь ему во всем разобраться.

По дороге в Подольск он заехал в супермаркет, купил фруктов и пирожных. Вернулся в машину и вдруг понял, что улыбается.

Он включил музыку и весь путь напевал себе под нос.

Глава 7

15 сентября 2022 г.

Городская клиническая больница им. В.В.

Варвара отшвырнула от себя зеркальце, одолженное ей медсестрой.

Какой кошмар! Что сделали с ее лицом? Изувечили! Изуродовали. Завтра же она попросит медсестру сходить в магазин и купить ей крем-пудру. Хотя как же она это сделает, когда у нее нет денег? Вот черт, надо было попросить карточку у Макса. Какая же она дура! Так повести себя с ним! Хотя что же тут удивительного, если он обвинил ее в убийстве Ольги. Ну ничего. Он еще поплатится за такие обвинения. Да как ему это только в голову пришло?

Интересно, и как она могла ее убить? Убийство – что может быть серьезнее и необратимее? Она же не дура, чтобы из-за какой-то там ревности или неприязни лишить человека жизни. Если уж разобраться, то Макс проводил с ней, с Варварой, больше времени, поэтому это скорее она сама, Ольга, могла ее убить. Это у нее мог быть железобетонный мотив.

– Может, все-таки выключите свет? – жалобно попросила ее соседка по палате. Забинтованная страдальца.

Была уже ночь. Две другие женщины спали, не обращая внимания на свет. Так намучились бедняжки после перевязок. Одна попала сюда после того, как ее избил муж, на нее тоже было больно смотреть – не лицо, а кровавое месиво! Другая порезала серьезно ногу, когда мыла окно и разбила стекло. Третья просто вошла в закрытую, со слишком чистым, прозрачным стеклом дверь магазина и повредила себе нос. Да, и чего только не случается в жизни! Вот так живешь себе спокойно и о том, что может статься с твоим телом, лицом, можно увидеть воочию только здесь, в хирургии. Бррр...

Варвара извинилась перед соседкой и выключила лампу над головой. И почти в то же самое время дверь отворилась, к ней в темноте, разбавленной струящимся из коридора тусклым светом, тихо подошла ночная медсестра и сказала, что к ней пришли.

Наконец-то! Макс. Кто еще?! Может, додумался привезти ей белье, салфетки, фрукты, воду... А то лежит здесь, как сиротка какая. Конечно, можно было позвонить кому-нибудь из подруг, но так не хотелось, чтобы они увидели ее в таком виде. К тому же надо было бы объясняться, а этого Варвара не любила. Мама вообще живет на даче, завела роман с соседом, ей сейчас не до дочки. Да и зачем травмировать ее? Раны заживут, волосы отрастут... К тому же она уж точно не промолчала бы, все высказала бы дочке, что, мол, пора бы уже образумиться, выйти замуж, рожать детишек, нечего спать с чужими мужьями. Она, кстати, знает, что у Вари роман с женатым мужчиной, и ей уж точно это не нравится. Да и кому это может понравиться? Но что поделать, если на одних девушках женятся, а на других – нет.

Варя хотела поправить по инерции прическу и так резко, неловко запустила пятерню в волосы, что коснулась пальцами начавшей уже подсыхать раны – аж зашипела от боли, а из глаз брызнули слезы.

Коридор был в ночное время слабо освещен. Медсестра привела ее в зону отдыха, расположенную неподалеку от сестринского поста, где рядом с большой кадкой с разросшейся пальмой на кожаном диване сидел незнакомый ей человек.

Увидев ее в больничном халате, с растрепанными волосами и большим оранжевым йодным пятном на голове, в том месте, где были вырваны волосы, вряд ли он оценил бы ее красоту. Для Вари равнодушные мужчин было бы смерти подобно. Так кто же это такой? И тут вдруг до нее, которая до последней минуты была уверена, что встретится с Максом, дошло, кто бы это мог быть. Следовательно. И в этот момент рана на ее голове запульсировала, глаза заслезились, и ей стало себя так жалко, что показалось, будто она вся уменьшилась в размере. Сжалась. Вот за что ей такое наказание?

– Варвара Утешина? – спросил мужчина, поднимаясь ей навстречу.

– Да, это я. А вы? Вы кто? – Она даже закрыла глаза от ужаса.

Что сейчас будет? Ведь это Макс отправил его сюда. Макс! Подлый предатель! Он уже успел сказать этому следователю, что это она убила его жену.

– Меня зовут Павел Семенович Луговой. Я следователь. Мне надо с вами поговорить.

– Да? Интересно, о чем же? – нервно гоготнула она.

– Вы знакомы с Максимом Шахлевым?

Ну вот, собственно, и все. Приехали. Приплыли. Сейчас ее возьмут под белые ручки и отправят в камеру. В СИЗО, кажется, так это называется. Интересно, дадут одеться или прямо так, в халате, заберут?

– Значит, это он вас прислал... Не ожидала от него такой подлости. – Она не лгала. До последнего не верила, что Макс на это способен. – Сразу говорю – я никого не убивала!

– Расскажите, где вы были двенадцатого сентября и что делали.

– Да ничего я не делала. Дома была.

– И кто это может подтвердить?

– Никто. Я одна живу.

– А что с вами случилось?

– Как будто бы вы не знаете... Макс же рассказал вам, что якобы я пришла на разборку с его женой Ольгой, что мы подрались... Вы же поверили ему, да? Ему всегда и все верят. А я... Я не была там! И Ольгу не убивала! Да, я иногда говорила Максиму, что убью ее, ну, когда особенно злилась на нее... Ох, какая же я дура... Что несу?! – Она закрыла лицо руками. – Да просто она нас достала. Как собака на сене: ни себе ни людям. Отпустила бы уже Максима. Она его не любит! Так что с ней случилось? Вы нашли ее? Как ее убили? Я ее не убивала, клянусь! Я вообще там не была!

– Но тогда расскажите, что случилось с вами. Кто вас так? – Следователь жестом показал на ее разбитое лицо.

Варя осторожно обняла свою голову ладонями и вздохнула.

– Я вот расскажу, а вы же мне не поверите! На меня напали! Вот как раз вечером двенадцатого сентября я вышла из дома за сигаретами. У меня прямо в доме внизу есть небольшой магазин, я часто туда захожу. Так вот, вышла я, значит, было уже темновато, около десяти, я почти каждый день спускаюсь туда за сигаретами или вином... В такое время там почти не бывает посетителей, и я могу спуститься туда чуть ли не в халате. Продавщица меня знает, мы с ней болтаем иногда, курим на крыльце. И тут меня кто-то окликнул, я оглянулась – никого. И в эту минуту мне на лицо положили что-то мокрое и холодное, вонючее... Знаете, прямо как в кино! Типа усыпили, что ли... Короче, очнулась я прямо напротив магазина, в кустах. Все болит, губа разбита... Это я потом уже поняла, у меня выбит зуб. Вот, посмотрите!

И она, на мгновение забыв, что перед ней мужчина, к тому же такой симпатичный, блондин (!), приподняла пальцем верхнюю губу и показала зубы. Вернее, черную дыру между передними зубами.

Она всхлипнула, вспоминая весь этот ужас.

– Потом почувствовала, как горит моя голова... Боль просто адская! Мне вырвали не один клочок волос! А волосы – это моя гордость! Вам этого не понять. Короче, отметилили меня по полной. Хорошо, что не изнасиловали. Причем рядом с домом! И кому только понадобилось меня избивать? Хотя как это кому? Ольге, кому же еще! Думаю, она и подослала кого-то. Каких-то отмороzków. Счастье, что не убили совсем. Это я так себя уже успокаивала... А Макс... – И тут она разревелась в голос. – Макс... Он подумал, что меня избил Ольга, когда я пришла к ним домой. Что между нами была драка, что это она выбила мне зуб! Он придумал, будто бы я рассвирепела и оттолкнула ее от себя с такой силой, что она упала и ударилась обо что-то там острое, кажется, об угол стола... Короче, будто бы это я ее убила. Но меня там не

было! Да вы можете проверить камеры в его доме! Он же живет в элитном доме, там и охрана, и камеры... не знаю, с чего он решил, что я была там?! Ну, чего вы молчите? Он же все свалил на меня, да? Но если так, то и я тогда вот прямо сейчас выдумаю, что мы были с ним там вместе, что вместе и убивали... Я одна не сяду! За что? Я никому ничего плохого не делала! Ну да, я была в отношениях с Максом, но это же не преступление. К тому же они собирались разводиться. Да и развелись бы, если бы не ее гордость. Она, видите ли, не могла допустить, чтобы ее бросили. Чтобы выбрали не ее, а кого-то другого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.